

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

**Москва
2017**

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Оформление серии *Е. Анисиной*

Иллюстрация на переплете *В. Тимофеевой*

Кузнечихин, Сергей Данилович.

К89   Седьмая жена Есенина : повесть и рассказы / Сергей Кузнечихин. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (О России — с любовью).

ISBN 978-5-699-95765-1

Герои повести «Седьмая жена поэта Есенина» не только поэты Блок, Ахматова, Маяковский, Есенин, но и деятели НКВД вроде Ягоды, Бери и других. Однако рассказывает о них не литературовед, а пациентка психиатрической больницы. Ее не смущает, что поручик Лермонтов попадает в плен к двадцати шести Бакинским комиссарам, для нее важнее показать, что великий поэт никогда не станет писать по заказу властей. Героиня повести уверена, что никакой правитель не может дать поэту больше, чем он получил от Бога. Она может позволить себе свести и поссорить жену Достоевского и подругу Маяковского, но не может солгать в главном: поэты и юродивые смотрят на мир другими глазами и замечают то, чего не хотят видеть «нормальные» люди...

Во второй части книги представлен цикл рассказов о поэтах-самоубийцах и поэтах, загубленных обществом. Условные «Поэт В.», «Поэтесса С.» или «Поэт Ч.» имеют реальных прототипов. При желании их можно узнать, но намного интереснее и важнее разобраться в конфликте поэта со средой и самим собой...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кузнечихин С., 2017

© Оформление.

000 «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95765-1

**Санитарный
вариант,
или
Седьмая жена
поэта Есенина**

ПОСЛУШАЙ МЕНЯ, САНИТАР

«Послушай меня, санитар, ты просто обязан меня выслушать, ты даже предположить не можешь, какая женщина стоит перед тобой, не догадываешься, от кого зависит твое будущее, да и не знаешь ты собственного будущего, не подозреваешь о своей миссии. Дай руку, сними ее с моего бедра и протяни мне. Убрал. Вот и умница. Пора отвыкать от вульгарных замашек. У нас впереди более наполненные часы. Успокоился? Теперь смотри мне в глаза и слушай. Сейчас я расскажу тебе все. Сначала о том, что может показаться уже известным. Но это ощущение обманчиво. Да не на руку мою смотри, а в мои глаза. Видишь, какие они черные? Глубже, глубже загляни. Смотри и слушай. Если сможешь не поверить мне — пожалуйста, не верь. Но ты не сможешь.

Я знаю, как ты относишься к мамочке, но вынуждена тебя огорчить — во всех твоих неудачах виновата твоя сердобольная родительница, слишком восторженно любила она свое ненаглядное чадо. В младенчестве ты даже ползунки не пачкал, до того аккуратненьким был, кушал, не капризничая, разговаривать начал на два месяца раньше срока. И мамочка уверовала, что ее ребенок особенный. И ребенку внушила то же самое. А когда ребенок пошел в школу, его сверхаккуратность не понравилась одноклассникам. Точнее, они не обратили

на нее внимания, и ты за это возненавидел их, а потом и они в ответ. Особенно обидно задевала неприязнь девчонок. Ни мамочка, ни ты не могли понять, что аккуратность твою девчонки воспринимали как бесцветность. Женщины, даже маленькие, смотрят на мужчину не своими глазами, а глазами толпы. Поэтому слава для мужчины важнее богатства, пусть и дурная слава. Оттого и любят спортсменов, певцов, поэтов, на крайний случай — хулиганов.

А ты стал санитаром.

Слушай меня. Слушай и не отводи глаз.

Никто в классе не хотел носить повязку с красным крестом, а ты согласился с радостью. Ты не знал, что мамочка попросила учительницу подыскать тебе какую-нибудь должность. Не могла она смириться с тем, чтобы ее исключительный ребенок оставался рядовым школьником. А если бы ты узнал о ее хлопотах? Мне кажется, все равно бы не отказался. С каким удовольствием крахмалил ты свою белоснежную повязку. С какой значительностью шествовал вдоль шеренги одноклассников. С какой дотошностью ты проверял у них ногти и заглядывал в уши. Ты до сих пор вспоминаешь эти церемонии. А как ты охотился за любителями держать руки в карманах. Сначала выслеживал сам, потом, наметив жертву, бежал к военруку. Да успокойся ты, никто не обвиняет тебя в фискальстве. Таковы были правила игры. Чтобы довести охоту до конца, обязательно нужен был какой-то учитель. Ты отыскивал военрука, и вы начинали облаву, действовали не сговариваясь, потому что все было обговорено заранее, все отработано и проверено неоднократно. Военрук со скучающим видом проходил мимо нарушителя, потом подкрадывался со спины и совал ладонь между бедром и запястьем, после этого вытащить руку из кармана уже невозможно — прием из арсенала оперативников. Потом подбегал ты и белыми нитками пришивал рукав курточки к брюкам. Сцена, естественно, разыгрывалась на глазах у толпы зевак. Военрук держал жертву, а ты, не спеша, работал иголкой. Потом нарушителя отпускали, и бедняга вынуж-

ден был катать «карманный бильярд», пока вы не соизволите распороть шов.

Помнишь?

Конечно, помнишь. Это были лучшие годы.

В старших классах должность санитаря упраздняялась. И ты снова превратился в ученика без атрибутов. Ни в комсорги, ни в старосты тебя выбирать не хотели. Одноклассники помнили твои санитарные рейды. Их детские умишки все-таки подозревали, что тебя нельзя подпускать к должности, даже самой, казалось бы, бессильной. Детишки дружно голосовали против. И учителя не настаивали, оправдывались перед завучем, рекомендовавшим тебя, что не могут заставлять детей выбирать в лидеры слабого ученика. Ты же из рук вон плохо учился. Единственной наукой, в которой ты преуспевал, была анатомия. Учителя не любили тебя за неприкрытое неуважение к их предметам, а биологиня тайно ненавидела за то, что знаешь предмет лучше ее. В девятом классе их терпение кончилось. Педсовет предложил перевести тебя в вечернюю школу. При этом учительница литературы настаивала собрать комиссию и отправить тебя не в вечернюю, а в специализированную, для умственно недоразвитых, и кое-кто собирался ее поддержать, но слово завуча оказалось решающим, он убедил подчиненных не поднимать лишнего шума, не выносить сор из избы. Но мало кто знал, что накануне этого бурного педсовета у завуча были продолжительные встречи с твоей мамочкой.

Тебя в подробности, разумеется, не посвятили?

Извини за жестокость, но это в твоих интересах.

Потом этот же завуч помог тебе получить аттестат. И он же устроил тебя санитаром в психиатрическую больницу, чтобы имелся стаж для поступления в медицинский. А протолкнуть в институт не смог, не хватило возможностей. И мамочка твоя к тому времени растеряла обаяние. Поэтому все четыре попытки сдать экзамены завершились одинаково.

Я не осуждаю материнскую любовь, но тебе требовалось нечто другое. Мои глаза видят больше, чем ее сердце. Из тебя

может получиться великолепный целитель. Потому я с тобой и разговариваю. Мамочка угадала направление, но дорогу выбрала неверную. Тебе незачем разбивать лицо о двери института. Перед тобой особый путь. И я проведу тебя по этому пути. Проведу грубой и властной рукой, потому что нежностью и обожанием ты уже пресыщен и они чуть было не сгубили тебя. Человеку с твоими данными необходимо особое обращение. Ты даже представить не можешь, какое уникальное биополе у тебя. Но, повторяю, полю этому требуется специфическая обработка. Перед тем как посвятить тебя в тайное тайных, надо существенно пополнить твои знания. Сначала этим займусь я. Я поведаю тебе тайны поэзии, потому как поэтическое слово целительно по своей сути. Потом я передам тебя своему другу. Он сделает тебя великим. Если, конечно, ты будешь слушаться нас. А я уверена, что будешь.

Так что не будем терять драгоценное время, бери бумагу и записывай.

ТРАВЛЯ БЕНЕДИКТОВА

Нет, пожалуй, не так, второго героя тоже надо вывести из заголовок, чтобы крепче запомнился, зачеркни и напиши.

БЕНЕДИКТОВ И БЕЛИНСКИЙ

Существовал критик по фамилии Белинский.

Ты слышал, кто такие критики? Это люди, которые знают все, а сами ничего не могут. Возьмем, к примеру, тебя, санитар, — получится из тебя критик или нет. На первый взгляд — не получится, потому что ничего не знаешь. Но с другой стороны, ты и не умеешь ничего. Так что — чем черт не шутит. Знания — дело наживное, а при определенных способностях и не всегда обязательное, если умеешь себя подать, знающим притвориться нетрудно. А злым и завистливым притвориться невозможно. С этим надо родиться.

Здесь у тебя все нормально — завистью пропитан, как непризнанный гений — самогонкой. Ведь завидуешь старшему санитару? Завидуешь. Я сама видела, как ты смотрел на него, когда он больного из третьей палаты по щекам хлестал. Видела, как пальцы у тебя с ума сходили. Хотелось ведь тоже над здоровяком поизмываться. И власть над людьми показать любишь. Может, тебе и правда в критики пойти? А что? Из больницы увольняться вовсе не обязательно. Работай, если нравится, а в свободное время критические статьи сочиняй. Поэты, они же вроде здешних больных. Можешь колошматить по любому поводу всем, что под руку попадется — сдачи не дадут.

Ну вот и обиделся. Это я пошутила, искушала тебя. Теперь вижу, что ты верен своей мечте. А от зависти я тебя освобожу, потому что целитель завистливым быть не может.

К тому же учти, если подашься в критики, придется навсегда забыть о женщинах. Профессиональная болезнь.

Белинского женщины не выносили. А за что его любить? Для романтических барышень он был слишком невзрачен. Для сентиментальных дамочек — чересчур зол. Для сообразительных девочек — нищ до неприличия.

Наследства разночинцу никто не оставил, а сам зарабатывать не умел. В какой департамент ни устроится, отовсюду гонят. Лодыри никому не нужны, а лодыри с гонором — тем более. Максимум полгода — и с треском...

Когда очередной статский советник увольнял его за нерадивость, Белинский огрызнулся:

«Пусть ваши клерки протирают локти сюртуков от звонка до звонка, а я человек артистический, я критики в журналах печатаю, извольте считаться».

Советнику его критики, что китайская грамота, но захотелось ему одернуть наглеца, он и высказал:

«Критики ваши я не читал, но полагаю, ошибок в них не меньше, чем в служебных отчетах, которые вы сдаете. Вот у приятеля моего в банке тоже артистическая натура служит, так приятель не нарадуется на работника, третий раз жало-

ванье повышает и дальше повышать собирается. А почему бы и не повысить, если человек башковит и аккуратен сразу вместе».

«Так что же это за артистическая натура такая? — спрашивает Белинский. — Графоман, поди?»

«Отнюдь, — говорит советник, — самая что ни на есть артистическая, и притом не какие-нибудь критики пописывает, а самые изысканнейшие вирши. Бенедиктов его фамилия».

«Нет такого поэта!» — кричит Белинский.

Советник — мужчина солидный, кричать ему не к лицу, и он спокойненько, вполголоса вразумляет крикуна, как дите неразумное.

«Как же нет, когда есть».

«Значит, не будет!» — кричит Белинский, но дверь не хлопает, потому что выходное пособие надеется получить.

Пособие он выходил, но злобу на поэта Бенедиктова за таил. Однако таил ее недолго. Не могла таиться такая лютая. Ночь с ней перемучился, а наутро сел сочинять критику. Выплеснул тринадцать страниц, и вроде как полегчало. Человеком себя почувствовал. Настоящим мужчиной. Даже визит даме сердца осмелился нанести. Дама эта его не очень жаловала, и он боялся ее навещать, а тут вдруг решительность в характере ощутил. Приходит, цилиндр повесить не успел, а дама с захлебом: «Послушайте, что за прелесть, я у графини из альбома переписала. Сочинение Владимира Бенедиктова. Минуточку, я так волнуюсь:

Кудри — кольца, струйки, змейки!
Кудри — шелковый каскад!
Вейтесь, лейтесь, сыпьте дружно...»

Белинскому дурно стало. Настолько дурно, что сознание помутилось и в истерику впал.

«Перестаньте сейчас же! Не могу слышать эту пошлятину!»

Закричал и сам своего крика испугался, а от страха уже и в рассудок вернулся. Сообразил, что выказал свое черное

нутро перед дамой из общества. Рухнул на паркет и на коленях через всю комнату с выпяченными губами к ее ручке — простите, мол, великодушно, нездоров я нынче, нервы-с шалят.

Но дама ему на дверь указывает. Пришлось, не вставая с колен, к порогу пятиться. На улицу выполз и бегом домой, к столу, новые критики сочинять.

Бенедиктов, если правду не извращать, тоже не красавец был, с Есениным рядом не поставишь, а с Блоком и сравнить как-то неудобно. Однако и Пушкин с Лермонтовым, как бы помягче выразиться, не обижая безмерно уважаемых... Видимо, есть такая особенность у поэтов — творчество облагораживает их лица и вроде как росту прибавляет, а у критиков — наоборот. Белинский и в юности обаянием не отличался, а уж как в критики вышел, совсем на убийцу стал походить, оттого и женский вопрос невподъем.

Написал новую статью про тлетворное влияние бенедиктовщины. Напечатал в газете. Экземплярчик переслал статскому советнику в департамент, из которого за разгильдяйство выгнали. Второй — начальству Бенедиктова. Даме, разумеется, не отправил.

Следом и рассуждения свои опубликовал о том, что истинный любимец муз не может исправно исполнять обязанности клерка. Однобокие рассуждения. Любой грамотный человек мог его спросить — а как же быть с Борисом Чичибабиным, который до пенсии в бухгалтерах проходил? О Чичибабине он не вспомнил, зато себя мучеником выставил, будто бы его с работы не за разгильдяйство, а за убеждения гнали. Ненавязчиво так упомянул, как бы между прочим.

Серебро за статьи платят быстрее, чем медяки за стихи. Получил гонорар и отправился к Тургеневу долг отдать, пока большие проценты не набежали. Тургенев деньги пересчитал и говорит:

«Ладно, брат Виссарион, не в серебре счастье, ты лучше стихи послушай:

Гордяся усестом красивым и плотным,
Из резвых очей рассыпая огонь,
Она властелинка над статным животным,
И деве покорен неистовый конь...

Не правда ли — чудесно про усест сказано? Очень мило». «Сам сочинил?» — поинтересовался Белинский.

А Тургенев не унимается: «Ты понял, — говорит, — кто под животным выведен? Мы! Мужчины! И сочинил эту прелесть... Бенедиктов».

И тут Белинский отвел душеньку. Тургенев не дама, а писатель, с ним можно не миндальничать. Сначала в пух и прах раскритиковал Бенедиктова, а потом пригрозил, что, если еще раз услышит или ему передадут, что Тургенев восхищается подобной порнографией, будут у него крупные неприятности, ни в одном журнале на порог не пустят. И Тургенев сразу на сто восемьдесят градусов. Писатели, они зачастую хвалят только тех, кого принято хвалить в обществе. И ругают также сообща.

Литераторов он обуздал и направил, а дамочка оказалась строптивой. Абсолютной победы не получилось, а значит, и покоя не было.

И решил Белинский отравить Бенедиктова. Не фигурально уже, а в самом реалистическом смысле. Достал надежный яд, быстрорастворимый в вине и в квасе, пришел на совместную поэтическую вечеринку, но подсыпать не смог, вовремя одумался. Понял, что нелюбовь его к поэту всем известна, значит, первое место в списке подозреваемых обеспечено заранее — никакие адвокаты не спасут от позора. Страх силен, а завистливая злоба еще сильнее. Если нельзя напрямик, значит, надо искать обходной путь. Если нельзя отравить, значит, надо заразить смертельной болезнью. Пошел к знакомому немцу-аптекарю и взял у него палочки Коха. Придумал вроде остроумно. Чем другим, а хитростью Сатана его не обделил. Но от замысла до воплощения дистанция весьма долгая и небезопасная. Подвела критика собственная

неряшливость. Вы посмотрите на портреты Белинского — везде с невымытыми волосами. Руки тоже мыл нерегулярно. Это его и погубило. Принес злополучные палочки и, не помывши рук, сел ужинать.

А наутро проснулся с температурой сорок один градус. И слег. Не успел подсыпать бациллы в бокал Бенедиктова, а перепоручить такое деликатное дело не решился. Учеников было много, отравить поэта у любого из них рука бы не дрогнула — только прикажи, братия послушная, но ненадежная (ради красного словца — не пожалеют и отца), — это Белинский по себе знал. Таким доверься, и на все грядущие века ославят. С такими надо, чтобы никаких следов. Собрал последние силы, едва не теряя сознание, дошел до туалета и спустил коварную пробирку в унитаз. Улику уничтожил и только после этого велел собрать учеников к смертному одру для последних наставлений. Первыми, как самых близких, пропустили к умирающему Писарева и Добролюбова. И началась дележка наследства. Писарев энергичней был, ему достались неограниченные права на Лескова и разрешение на частичную критику Пушкина. Добролюбов выхлопотал Случевского. Просил и Достоевского, но учитель испугался провокации, — дай поповичу разрешение, а он повернет обратной стороной и раззвонит, что Белинский его на гения науськивал. Писарев с Добролюбовым заняли место у изголовья, а за дверью толпа бушует. Очередища, как в пивную после выходных, кого только в ней нет: Страхов, Зайцев, Мережковский с Гиппиус. Наглости критикам не занимать, но проскочить без очереди особый дар нужен. Старые критики в этом слабоваты. Другое дело напостовцы. Дружные ребята — Родов, Авербах и Лелевич — локтями и кулаками из хвоста очереди с улицы к двери пробилась, но запыхались, и пока вспоминали, кого бы им на растерзание попросить, шустрый Бухарин прошмыгнул между ними.

«Есенина мне, — кричит, — разрешите с Есениным разделаться!»